

2207

«У НАС В ГОСТЯХ—ПОЭТ...»

Очередь к дверям конференц-зала в Министерстве путей сообщения увеличилась катастрофически, по минутам. На первом этаже висела афиша: «Сегодня у нас в гостях— Андрей Вознесенский».

Он незаметно прошел в небольшую комнату за сценой. Снял плащ, кепку. И стал привычным, узнаваемым, похожим на свои фотографии...

— Андрей Андреевич, о творческих планах принято спрашивать в последнюю очередь. Но все мы внимательно следим за вашими публикациями, книгами. Чего ждать в ближайшем будущем?

— Закончил две большие и различные по жанрам работы. Скоро в Грузии выйдет в свет сборник «Иверский свет», включивший стихотворения последних лет и новый грузинский цикл.

С молодым композитором Алексеем Рыбниковым мы записали двойной диск рок-оперы «Авось». Сюжет ее, видимо, вам знаком — это давняя история трагической любви русского графа Резанова и 16-летней испанки Кончитты. Действие происходит в Калифорнии, все основано на реальных исторических фактах. Рыбников написал интересную музыку, удачно соединив в ней старорусские хоровые напевы, испанские народные ритмы и современный рок. В конце года, кстати, ожидается премьера и в столичном театре Ленинского комсомола.

— Газета наша транс-

портная. И читателям, естественно, было бы интересно узнать, связывает ли вас что-нибудь личное с дорогой?

— В городе Кургане я учился в школе № 2. Она была железнодорожной... А если серьезно, то у меня нашлось бы немало стихотворений, написанных «на ходу», в пути, в вагонном купе. Например, «Рождественские пляжи» я писал в поезде Москва — Рига. А не очень давно произошел такой случай.

Расул Гамзатов ехал в Польшу. Воспользовавшись случайной оказией, я решил передать с ним сирень. Живую сирень, в горшке с землей. Завернул ее в бумагу. На таможенном досмотре служащий строго спросил Расула: «Цветы? Растения, птиц и животных без карантина провозить нельзя...». Мы с Гамзатовым не знали этого... В конце концов сирень попала по адресу. Но и родилось стихотворение «Сирень «Москва» — Варшава».

— Как вы пишете?

— Я сказал уже. На ходу. Вышагиваю, бегаю. Записываю потом, когда

все стихотворение в голове.

— Что бы вы делали, если бы судьба папа сложилась иначе?

— Имею грех перед архитектурой — окончил Московский архитектурный институт. Придумывал бы дома.

— А как же знаменитые витражи?

— Увы, в прошлом. Сейчас «вспомнил былое» — пишу портреты друзей и добрых знакомых. Люблю акварель, темпера. Живопись — моя старая любовь.

— В сентябрьском номере «Нового мира» — ваши воспоминания. Вам было всего четырнадцать лет, и огромное влияние тогда оказал на вас Пастернак... Что же теперь, когда вы, как говорится, в зените своей известности; есть ли у вас ученики?

— Видите ли, не люблю этих слов — «учитель», «ученики». Применительно к поэзии они не совсем правильны. Конечно, приходят ребята. Среди них есть и весьма талантливые. Имена называть пока не имеет смысла. Преждевременно. Со време-

нем, быть может, читатели их узнают сами.

А в так называемой «молодой» поэзии, то есть в поколении, идущим за нами, люблю Вегина, Шкляревского, Еременко, Реброву.

— Катаев как-то заметил, что ваши книги «всегда депо метафор». Вы же называете поэзию просто «глазомером». Хорошо, так пишет Вознесенский. Но, может, у вас есть другой рецепт? Как надо писать?

— Писать надо прекрасно. И — правду.

— Андрей Андреевич, вы много переводите, нередко выступаете за рубежом...

— Прилично знаю английский. Поэтому перевожу американскую и английскую поэзию. А когда сам там выступаю, переводят меня. Сначала звучит подстрочник на английском, потом уже я — на родном языке. Стараясь передать музыку, мелодику русского стиха. Публика собирается в основном серьезная, но русские знают далеко не все...

— И самый последний вопрос. Как вы думаете, существует ли синоним к слову «поэт»?

— Нет. Впрочем, полагаете. Наверное, «человек»?..

Записала беседу
О. КАМЕНЕВА.

ГУДОН
- 2 НОЯ 1980

г. Москва